

Услышав это, Чу Нянь наконец понял их замысел: эти двое собирались продать первоначального владельца тела кому-то в наложники.

Нет, прежний хозяин-то избавился от всех проблем, а вот ему сейчас не повезло. Мало того что пришлось расплачиваться своей жизнью за чужую попытку повешения, так теперь ещё и предстоит терпеть побои и издевательства со стороны кровной семьи.

И как они себе это представляют?

Только сейчас до него дошло. Неужели мать почившего так охотно отпаивала его водой и лекарствами лишь ради тех самых восьми ляэров серебра в качестве выкупа?

Продать сына за восемь ляэров! Она ведь и впрямь люто ненавидела прежнего владельца тела!

А эта его тетушка Чу Дамэй — тоже та еще вещица. Так рьяно пристраивать родного племянника на сторону, интересно, сколько выгоды она сама с этого поймееет.

Самое главное, что его нынешнее тело до того слабо, что ради того, чтобы не сорвать продажу, они даже додумались до такой мерзости, как сильное лекарство.

Чу Нянь еще не до конца освоился и разобрался в этом мире и не знал, что за лютую отраву они имеют в виду, но судя по смыслу, она должна была быстро поставить его на ноги.

Однако эффект от такого снадобья недолговечен: стоило им передать человека покупателю, как его дальнейшая судьба перестала бы их волновать.

Какой у этого человека из семьи Чжан нрав и характер, предсказать сложно. А ну как он окажется тираном? Если такой больной доходяга, как он, попадет к нему в руки, живым оттуда точно не выбраться.

Видя, что невестка с золовкой уже обо всем договорились и собрались добывать зелье, Чу Нянь резко распахнул глаза и ледяным голосом бросил:

— Матушка!

Услышав оклик, женщины разом замерли. Повернувшись, они натолкнулись на взгляд Чу Няня, и неизвестно почему обе в один миг почувствовали леденящий холод — их пробрала дрожь оттого, как на них смотрит этот хилый, прикованный к постели больной.

— Ты... ты что, давно очнулся? — Ху Ляньсян нахмурилась, окинула юношу оценивающим взглядом и, задав вопрос, невольно бросила опасливый взгляд на золовку, чувствуя себя немного виноватой.

— Угу, — отозвался Чу Нянь и, опираясь на руки, приподнялся на кровати.

Едва не потеряв силы, он чуть было снова не рухнул назад и подумал про себя: за последние два-три дня он, похоже, не проглотил ни маковой росинки, кроме воды и отвара — до того ослаб.

Мать прежнего хозяина, видимо, совсем без мозгов: человек ведь что железо — без еды никак, сколько лекарств ни вливай, толку не будет!

Увидев, что Чу Нянь сам сел, Чу Дамэй тут же выбросила из головы недавние тревоги. Раз сильное лекарство больше не нужно — значит, парень наконец пришел в себя.

Она приподняла веки и с неприязнью спросила:

— Так ты слышал всё, что мы с твоей матерью говорили?

— Слышал, — не стал скрывать Чу Нянь. К тому же они особо и не понижали голос, разговаривая при нем, так что и спрашивать было нечего.

Раз так, можно выложить всё начистоту. Чу Дамэй скрестила руки на груди, встала перед его кроватью и, опустив взгляд, объявила:

— Ну и отлично, что слышал — хоть не придется языком трепать понапрасну. Из-за твоих безумств со смертью из-за второго сына семьи Сун — об этом не то что по всей деревне, даже в уезде трещат. Мы, старый клан Чу, из поколения в поколение жили в деревне Линцюань, и отроду у нас не было такого позора! Ваши дедушка с бабушкой от этого слегли, да и куда нам теперь людям в глаза смотреть?

Тут она немного помолчала и, убедившись, что Чу Нянь никак не реагирует, продолжила:

— Короче говоря! Когда тебя приволокли обратно, в тебе едва теплилась жизнь. По справедливости, тебя можно было сразу закапывать в яму, и никто слова бы не сказал. Но ты все-таки ребенок из клана Чу, и нам с твоими родителями было бы не с руки смотреть, как ты вот так подохнешь.

Однако после того, позорища, что ты устроил, в этом доме тебе места больше нет. Поэтому твоя третья тетушка присмотрела для тебя партию в деревушке семьи Чжан.

— Партию? — Чу Нянь приподнял бровь. Как красиво сказано — будто она выбирала для него лучшую семью, и ведь совести хватает называть это поиском подходящей партии.

— А то как же! Ты ведь уже парень на выданье, давно пора было замуж. И вот удача: в той

деревне, откуда родом твой двоюродный брат, как раз одной семье потребовался гэр в дом — идти в наложники. Я всё расспросила: хозяйка дома хворает и делами заправлять не может. Если выйдешь туда, все домашнее хозяйство будет на тебе, а если еще и родишь дитя — ну не благодать ли настанет!

К тому же, после того что ты натворил, уже хорошо, что кто-то вообще согласен тебя взять — всяко лучше, чем гнить дома и захлебнуться в людской слюне от плевков!

Выпалив всё на одном дыхании, Чу Дамэй свысока уставилась на Чу Няня, словно совершила великое и праведное дело, ожидая, что племянник сейчас же проникнется к ней благодарностью.

Чу Нянь пропустил ее слова мимо ушей и повернулся к молчавшей всё это время Ху Ляньсян:

— Мам, ты тоже так считаешь?

— Чего это ты на меня так устался?!

Заметив, что Чу Нянь в упор смотрит на нее, Ху Ляньсян неловко отвернулась, не желая встречаться с ним взглядом, но тут же принялась укоризненно бормотать:

— Если бы ты сам не запятнал себя и не сорвался творить глупости, мы бы и не стали затевать ничего подобного. В конце концов, во всем виноват ты сам!

Эти слова означали упрек в том, что прежний хозяин не должен был идти морить себя голодом перед чужим порогом. Но тогдашний владелец тела уперся лбом в стену, и никто его не утешил; пусть его метод и был крайним, по крайней мере, он попытался пожить для себя.

И пусть безрассудно, но иначе и нельзя: даже не сделай он этого, брошенный Сун Шиюанем просто так, хорошей жизни в будущем ему бы всё равно не видать.

— Но... разве не ты сама велела мне сойтись с Сун Шиюанем? — с горькой усмешкой отпаривал за прежнего хозяина Чу Нянь.

Если бы не науськивания Ху Ляньсян, с чего бы тому вообще крутиться возле Сун Шиюаня? Уж коли прежний хозяин вбивал что-то себе в голову, то шел до конца, увязая с головой, и всерьез почитал Сун Шиюаня за единственную ставку, способную перевернуть его судьбу.

Теперь же ставка бита, надежды рухнули, и жить ему действительно расхотелось.

Услышав это, Ху Ляньсян тут же приняла оскорбленный вид:

— Да, это я подсказала! Но разве не ради твоего же блага? А всё потому, что у самого кишка тонка — в конце концов удержать парня не смог! Сам бездарен, так теперь меня еще и винишь?!

— Ясно, — на губах Чу Няня мелькнула ледяная ухмылка, и последняя искра надежды окончательно растаяла.

И надо же было прежнему хозяину столько лет пытаться угождать такой черствой и бездушной матери!

Прошло семнадцать лет, а то, что она прижимала к груди, неизменно оставалось ледяным камнем, который невозможно растопить. Как же жалко и нелепо выглядели все его старания.

Чу Дамэй не желала слушать эти перепалки матери с сыном. Прикинув, сколько дел еще предстоит переделать, она раздраженно прикрикнула на Чу Няня:

— Всё, хватит! Вижу, ты уже на ногах и ничего страшного с тобой не приключилось. Раз есть силы языком трепать — поднимайся давай, собирайся в дорогу. Завтра чуть свет я сама отвезу тебя туда.

Тут она словно что-то вспомнила, настороженно покосилась на парня и грозно предупредила:

— Четырнадцатый, запомни: если мы всё обговорили, это вовсе не значит, что ты можешь крутить головой и отказываться! Серебро уже получено, и пути назад нет и быть не может. Если надумал еще какую дурь — выбрось из головы по добру по здорову!

Она ожидала услышать в ответ гневный протест, но вместо этого Чу Нянь лишь тихонько бросил:

— Выдамся.

— Чего он сказал? — Чу Дамэй переглянулась со старшей невесткой, сомневаясь, не послышалось ли ей чего, и решила переспросить.

Однако Чу Нянь сам повторил отчетливо:

— Я говорю: без разницы, кто там, я согласен.

Он наконец всё понял: решение за него уже принято, и даже если он станет возражать, у него просто нет на это права, а не то еще и побоев схлопочет. С его нынешним хрупким здоровьем себе дороже наживать неприятности.

Вместо того чтобы препираться попусту, лучше хорошенько поесть, набраться сил да поразмыслить над путями отступления. Нужно сперва заставить их потерять бдительность — так что пока придется лишь притвориться, будто он смирился с судьбой...

<http://bllate.org/book/22371/2346364>